

Кто-то кричал? Почему кругом так много цветных осколков? Напоминает внутренности калейдоскопа, освященного проникающим в него снаружи светом. Осколки движутся, плавая в пространстве и покачиваясь, будто на волнах.

Осколки танцуют как вихрь осенних листьев от порыва ветра. И они приближаются, заменяя тёмную пустоту.

— Кристина, ну-ка иди сюда! Почему у тебя беспорядок на голове? Просто кошмар!

Картинка смазана. На кровати полусидит женщина, лица которой почти не видно. Её голос тих, но женщина старается говорить громче.

— Дагмара сказала, что не станет заплетать мне косы, — разве ребенок может так отвечать? Безэмоционально, лишь сухо повторяя факты...

Девочка стоит неподвижно, будто её ничего не волнует. Перед собой в ладонях она держит несколько цветных резинок для волос.

— Сколько раз тебе повторять! Не «Дагмара», а «бабушка»! — тяжелый вздох и вымученная улыбка. Казалось, совсем недавно мне довелось видеть такую улыбку.

— Хорошо.

— Я сделаю тебе прическу сама. Повернись.

Женщина взяла с тумбочки расческу, усадила дочь на край кровати и начала медленно плавными движениями расчесывать ей волосы. Девочка сидела послушно, ни разу не дернувшись, даже когда расческа продиралась сквозь сильно спутанные пряди. Внезапно женщина опустила руки и задумалась.

— А знаешь, мне кажется, два хвостика тебе пойдут больше, чем две косички, — она легко погладила дочь по голове, стараясь, чтобы рука не дрожала, а потом начала разбирать волосы на прямой пробор. — Ты будешь очень, очень красивой...

Девочка выглядела так, будто она о чем-то мучительно размышляет. Изображение стало отдаляться, но на его место пришло другое.

Небольшая группа людей стоит перед только что зарытой могилой. Люди кутаются в пальто от пронизывающего осеннего ветра. Среди них уже знакомая девочка, только с неряшливыми хвостиками и черными лентами на них. Девочка не плачет, просто стоит и смотрит пустыми глазами на могилу.

Люди расходятся, серыми теньями, произнося слова соболезнования в очередной раз. И эти

слова не имеют никакого значения.

— Пойдем, — рука с пигментными пятнами, принадлежащая мужчине в возрасте, обхватывает маленькую ручку и тянет ребенка за собой. Девочка остается на месте.

- Я сказал, пойдем!

Губы болезненно дернулись на детском лице.

— Н... Нет! — чуть пискнул голос.

— Нет? — мужчина наклонился. Очень высокий, подтянутый, не производящий ощущение беззащитного старика, с абсолютно белыми короткими волосами и аккуратной бородой. Он имел довольно властный и рассерженный вид.

Слабый неуверенный ответный кивок. Мужчина взял руки ребенка в свои и крепко сжал, от чего девочка вздрогнула.

— Ты немедленно пойдешь домой, иначе, поверь мне, я заставлю тебя пожалеть о твоём упрямстве! — и он потянул её за собой, уводя прочь с кладбища.

Рядом с нанятым на день похорон, довольно старым на вид, черным автомобилем их ждет невысокая пожилая женщина. Её лицо выглядит осунувшимся, глубокие морщины пересекают лоб, залегают между бровями, губы кажутся настороженно сжатыми. Пышные седые волосы коротко подстрижены и лежат аккуратно - локон к локону. Резкий, строгий взгляд придирчивых серых глаз тут же обращается на девочку. Однако за этим последовало некоторое смягчение.

Мужчина остановился и заговорил:

— Нужно будет связаться с Китайкой. Ты понимаешь, о ком я говорю?

Женщина опускает глаза, кивает и направляется к девочке.

Снова смена картинки. На этот раз на улице зима. Девочка бежит к скверу, а потом, заслышав чье-то пение, следует за голосом и набредает на свою сверстницу, которая увлеченно пытается вылепить снеговика и жизнерадостно напевает себе под нос поурри из рождественских песен. Девочка кажется весёлой и беззаботной. У неё длинные светлые волосы, а на голову одеты забавные пушистые наушники. Почувствовав, что на неё кто-то смотрит, девочка оборачивается. Вмешавшаяся в её занятие незнакомка почему-то не вызывает приветственных чувств, скорее напротив — та выглядит мрачной. Маленькая скульпторша с «фи» возвращается к своему занятию.

— А... а можно я тоже с тобой полеплю снеговика? — неожиданно смело спросила мрачная девочка, хотя в голосе чувствовалась робость. — Мы же вроде соседи...

— Ещё чего! — тут же «отбрила» её блондинка.

На недоуменный вопрос «Почему?» ответ был — «Потому, что ты мне не нравишься!» Но в конечном итоге соседка подумала и окликнула уже уходящую «буку». Теперь они вместе лепили, морозя руки (без варежек лепится всегда лучше), своё творение.

— Тебя Линдой зовут? — «бука» решила, что долго молчать невежливо и неудобно.

— Да, а тебя каким-то дурацким именем — «Кристианна», «Кристанина» — не помню, короче.

— Ты ошибаешься, — замялась девочка, — Кристина, просто Кристина...

Постепенно они нашли нечто вроде общего языка, довольно мило обмениваясь различными репликами. Процесс создания у снеговика лица с помощью палочек и их мелких обломков вышел уморительным.

Вдалеке показалась группа подростков. Они подначивали друг дружку, толкались и всячески стремились выяснить, кто круче в их «банде». Самый тощий и длинный из них, явно претендующий на главенствующую роль, заметил девочек. Подросток остановился, а потом на его лице заиграла гаденькая ухмылочка. Вот как он докажет всем, что круче! У них-то кишка тонка будет даже напугать этих детишек!

— Эй, мелкота девчачья! — заорал парень. Бояться ему было нечего, так как к его радости поблизости не наблюдалось ни патрульных машин, ни просто взрослых.

— Да на фига они тебе сдались? — воскликнул его приятель, шедший к ближе всего.

— Белобрысая вроде из семейки побогаче будет, может денжат стрясем, — заявил тот, переходя на быстрый шаг.

— Это Форест-Хиллс-Гарденз(1), тут все сплошь с деньгами, да евреи! Или и то и другое, - гнусно заметил кто-то третий.

— Я, походу, понял, кто вторая. У неё мать коньки отбросила несколько месяцев назад, — вспомнил ещё один из подростков, шедший позади с последним, пятым, из друзей.

— Супер! Самое оно! — возможность довести кого-то до слез еще больше будет способствовать крутизне, по мнению заводилы.

На лице Линды появился гримаса ужаса и отвращения при приближении пяти мальчишек гораздо старше неё. Она тут же бросилась бежать, но дорогу преградил самый ретивый из компании. В этот момент вторая девочка подняла с земли увесистую палку, которая должна была стать для снеговика метлой и запустила её в главного обидчика. Переворачиваясь в воздухе, палка пролетела рядом с его плечом, так и не задев. Сначала выражение лица парня сменилось на изумленно-удивленное, а потом стало бешеным.

— Сейчас ты у меня получишь, маленькая сучка! — он напрочь забыл про Линду, чем она не преминула воспользоваться, чтобы дать деру, оглашая окрестности криком, переходящим в редкие всхлипы. Подростки начали испуганно переглядываться, думая, как скорее свалить, пока кто-то не примчался на крик. Все, кроме одного.

Самопровозглашенный главарь уже готовился броситься на оставшуюся девчонку, но был огорошен чем-то в темечко. Он изрядно пошатнулся и упал на одно колено. Рядом в снег воткнулась та самая палка. Откуда она появилась — никто заметить не успел, слишком быстро все произошло. Словно чертов вернувшийся бумеранг. Девчонки тем временем и след простыл.

Запыхавшись, она добежала до своей улицы и остановилась, чтобы отдышаться. Девочка с опаской оглянулась — сзади никто не догонял. Это помогло хоть чуть-чуть успокоиться, но сердце все равно бешено колотилось в груди. Впереди по тротуару, спотыкаясь, шла уставшая и запыхавшаяся Линда с растрепанными волосами. Та попыталась её окликнуть и снова перешла на бег.

— Отстань, ненормальная! — заорала соседка в ответ и бросилась бежать, снова поднимая рев.

Когда Кристина вошла в дом своих родственников, первым, что произошло, как только за ней закрылась дверь, была пощечина от деда. Рука тут же потянулась к пострадавшей щеке, а девочка сжалась, и стала отступать назад, пока не наткнулась спиной на дверь.

— Ты хоть представляешь, во что ввязалась? — горящими от злости глазами дед смотрел на неё. — Спарксы уже вызвали полицию! И минуту назад звонили сюда, что, в некоторой степени, ещё хуже! Меня совершенно раздражают эти людишки...

— Прости, дедушка, — прошептала девочка, с опаской смотря на него.

— Немедленно выкладывай всё с самого начала!

Сбивчиво, запинаящимся голосом под давлением деда, она рассказала про все: и про то, что хотела поиграть с Линдой, когда увидела ее в парке, и про снеговика (в этот момент ее перебили с требованием «не пороть ненужной чуши»), и про парней. Ничего не утаивая, девочка рассказала и про чудеса с палкой. На вопрос, почему она вообще схватилась за эту палку, та только пожала плечами, а потом добавила, что сама не поняла, как все произошло. Последние слова рассердили родственника, и он снова занес руку.

— Нет, Арман, не надо! — на локте мужчины повисла всё та же женщина с короткими белыми локонами, до этого слушавшая разговор из кухни. — В каком-то смысле, она наша внучка... Александра всегда относилась к ней, как к дочери.

Её муж на миг застыл. Глаза мужчины округлились от неожиданности, а потом в одночасье будто пустыми.

— Ты права, но я никогда не смогу заставить себя относиться к ней по-другому, — мужчина опустил руку, а девочка продолжала стоять сжавшись. — Для меня она всегда будет, прежде всего, причиной смерти нашей дочери...

Женщина всхлипнула.

— Можно я тебя коё о чем попрошу, Дагмара? — Арман приобнял её за плечи, она кивнула. — С минуты на минуту здесь будет полиция... Я не хочу, чтобы ты плакала при них...

Дагмара вытерла набежавшие слёзы и кивнула.

— Теперь с тобой, Кристанна, — от голоса деда внучка вздрогнула. — Когда офицеры полиции будут задавать тебе вопросы, ты на все будешь отвечать им, что перепугалась и лиц нападавших совсем не помнишь. Линда убежала, а тебе удалось вырваться самой, как — ты не помнишь, да, ты запустила палкой в парня, но это было один раз! Никакой «палочной» магии! Поняла меня?

Конечно же, она поняла. «Аргументы» были слишком весомые. Круто развернувшись, Арман направился к деревянной лестнице, ведущей на второй этаж. Он планировал переодеться перед приходом полицейских, чтобы не предстать перед ними в теплой байковой пижаме и одетом прямо на неё халате. Появляться перед кем-то в домашнем виде было ему не по нутру. Глава семейства остановился и неожиданно вцепился в перила.

— Дагмара, — произнес он. Женщина тем временем помогала девочке снять верхнюю одежду и не очень искренне, но старалась утешить. Услышав своё имя, она оглянулась через плечо, — её нужно будет отправить к Китайке.

— Кристанна, иди на кухню. Я испекла шарлотку, перекуси если хочешь, — женщина идеально копировала ласковый тон голоса. Девочка убежала.

— Да ты, как я погляжу, решил отдать её Китайке? — зло уставившись на спину мужа, заявила Дагмара. Для неё подобное отношение к живому существу, как две капли воды похожему на ее дочь, было оскорблением.

— Пусть хорошенько поэкспериментирует с её памятью, сознанием и с ней самой... Пусть учит её, чему хочет, лишь бы больше не возникало такой проблемы, как сегодня. До тех пор, пока

она не может себя защитить, это будет делать перешедшее в неё могущество. Сама видишь, что из этого выходит... — после продолжительного монолога старик закашлялся.

— Я все понимаю, но ЭТО...

— Успокойся! — Отрезал Арман, поворачиваясь к жене. — Мы отдадим её на год или два... может, чуть больше. Когда Лоу с ней закончит, в памяти не останется никакой опасной информации. Если ты так хочешь, она даже не будет помнить, что жила не с нами эти годы... Да перестань ты на меня так смотреть! — возмутился он, чувствуя исходящее от женщины неприкрытое презрение, и после очередного приступа натужного кашля продолжил со скрежетом в горле: — Если нравится, считай, что мне нет оправдания, но видеть этого ребенка я не могу...

Склонив голову, женщина стояла что-то обдумывая.

— Мы ещё можем согласиться на предложение Ван Райана! — вскинув голову, выпалила она.

В ответ Арман рассмеялся совершенно ненормальным хохотом.

— Согласиться? На предложение Ван Райана? Ты, должно быть, шутишь? — на миг он замолчал. — Посмотри на нас — мы с тобой всего лишь две старые развалины! Единственное, что его может заинтересовать... — звук пропадает, видно лишь как шевелятся губы мужчины, а потом возвращается вновь. — У него своя игра, а я не хочу иметь с ней ничего общего!

— А Барбара? Мы всегда можем обратиться к ней!

— Нет. Не сейчас. Пока она всего лишь рядовой член Комитета. Её помощь может бросить тень на всё, что она пытается сделать...

Воспоминание снова отдаляется. За него хочется ухватиться, но виденье сигаретным дымом постепенно ускользает, и не успеваешь опомниться, как появляется ещё одно. Оно будет последним. Город. Нью-Йорк. Он сияет в лучах солнца. Тогда для девочки, которую звали Кристанной, этот город казался чем-то совершенно невероятным.

По тротуару идут двое: изящная женщина, больше похожая на маленькую, тонкой работы восточную статуэтку, укутанную в черное пальто, а сзади за ней пытается поспевать девочка. Вдруг ребенок слышит музыку и останавливается. Её голова поворачивается, а взгляд смотрит на здание на противоположной стороне дороги. Множество разных мелодий слабо доносятся оттуда. Она не может сдвинуться с места.

— Что такое? — женщине приходится вернуться на несколько шагов назад.

Никакого ответа. Девочка смотрит на здание.

— Хочешь зайти туда? — спокойно и по-своему певуче спрашивает женщина. Акцент практически отсутствует, но всё ещё сохранилась особая тональность речи.

Ребенок прерывисто кивает, так и не подняв на неё взгляда. Наставница улыбается и протягивает руку. И вот они уже вместе входят в темный коридор. Им навстречу со своего места поднимается администратор. Женщина отпускает руку девочки и останавливается, чтобы поговорить со служащей. Проходит минута, и по каким-то причинам их пропускают. Они идут мимо закрытых дверей, из-за которых доносится музыка — откуда-то аккомпанемент пианино, откуда-то фонограммы, и, наконец, перед ними появляется открытая дверь.

После мягкой полутьмы коридора, свет в зале с окнами на всю стену заставлял зажмуриться, но когда глаза привыкали, можно было увидеть, как в центре зала танцует девушка. Хотя вскоре стало ясно, что девушка не на много старше той, кто сейчас с таким восторгом наблюдает за ней. Танец завораживал, и маленькая случайная гостья могла лишь неотрывно смотреть. Она уже знала, что до сих пор не видела ничего хотя бы вполтину столь прекрасного, как движения рождаемые телом неизвестной танцовщицы. Словно танцевала много пережившая и прочувствовавшая женщина, но никак не девочка.

Видение длилось недолго. В дверном проеме появилась женщина со следами увядания на лице. Она держала в руке трость с набалдашником в форме шара. И было в её чертах что-то отталкивающие: наверно, чрезмерная гордость за былые заслуги. Она строго раскритиковала пришедших за то, что помешали занятиям своим вторжением в её класс.

Старшая из двух посетительниц быстро нашлась и спросила, где они могут найти директора. Женщина фыркнула и махнула рукой в сторону коридора, после чего закрыла перед ними дверь. Однако в тот день они так и не пошли к директору. Это случилось уже гораздо позже, но именно тогда зародилось отчаянное желание однажды вернуться в эти стены. Мое желание... И танцевавшая ученица... её лицо было засвечено, как на фотографии, но теперь я точно знаю, ведь это была ты, Джен?

Но чьи это воспоминания? Лишь последнее из них было мне знакомо. Чьи они? Ключки памяти, точно части мозаики, все сильнее кружащиеся вокруг. Их так много. Внутри каждого кусочка двигались и говорили люди, что-то происходило. Но большую часть их я не помнила. А потом они начали медленно сливаться воедино, образуя огромные тяжелые капли. С каждым мгновением эти капли разрастались всё больше, продолжая объединяться между собой и затапливать пространство...

Какое странное ощущение... словно я на дне глубокого озера... лежу и безмятежно смотрю на движущиеся где-то далеко наверху блики солнца. Эти блики. Они манят меня. Зачарованно покачиваясь в водной толще, я понимаю, что мало-помалу начинаю подниматься со дна.

Тепло. Такое же тепло, как у Джен. Оно укутывает меня и влечет за собой. Прочь из глубины к солнцу. Мама, мамочка... Наверное, так эгоистично хотеть чувствовать это тепло постоянно? Но сейчас я хотела, чтоб это не кончалось. Нарастающее ощущение, как от прикосновения рук, будто кто-то мягко гладит тебя по голове. Совсем как в детстве.

Я стою на поверхности воды, вижу под собой чистую гладь, а передо мной в колыхающихся, точно от течения, белых одеждах стоит женщина. Каштановые волосы колеблются подобно одежде. Смотреть на неё, все равно, что на собственное отражение в зеркале, только выглядит оно старше, статной. Казалось, протянешь руку и наткнешься на твердое стекло.

— Ма..? — воскликнула я от первого шока, а потом рассудила шепотом: — Значит, все-таки померла...

Она чуть улыбнулась.

— Ещё не совсем.

Сначала пришли паника и непонимание, но я справедливо решила, что лучше их не показывать. Слова матери вызывали стойкое недоумение.

— То ли смерть меня тупицей сделала, то ли я ей была и при жизни? Объясни по-человечески...

Мама вздохнула и покачала головой.

— Ну что за ребенок? — она сделала выразительную паузу. — Разве ты не понимаешь, что находишься тут неспроста?

По крайней мере, это я понимала, но на том мои догадки и кончались. В своем сознании я уже свыклась с мыслью, что мертва.

— Если тебя нравится говорить загадками — почитай «Код Да Винчи»! — ой, это ж надо было такое призраку ляпнуть. Так или иначе, она является чем-то подобным. Хотя мои слова её никоим образом не обидели.

— Прости меня, я в растерянности, вот и несу всякую чушь, — посетовала я.

Она снова тяжело вздохнула.

— Ты здесь потому, что мы хотим предложить тебе сделку...

— Сделку? — недавно мне уже предлагали одну сделку трое господ и одна леди, но предложение мне не понравилась. — Мы?

Я не почувствовала, как мама оказалась у меня за спиной и прошептала мне на ухо:

— Твой поступок не остался незамеченным там, наверху...

— Наверху? — машинально переспросила я, и, не дождавшись ответа, тихо произнесла. — Но я даже никогда не верила в Бога достаточно сильно...

— Если кто-то не верит в Бога, это не значит, что Бог не верит в него, — видя мое смятение, мама положила руку мне на плечо. — Мы пришли вам на помощь, через тебя, через твоё тело. Так может быть и впредь. Не часто демоны переходят на сторону Света, становятся открытыми для деяний его, но такое все же бывает...

— Но я... я совершила столько грехов, — логика никак не позволяла верить сказанному. — Я богохульствовала, очень-очень много сквернословила, эм... прелюбодействовала...

— Достаточно, — остановила меня она — Если ты сейчас начнешь перечислять все свои прегрешения, то мы, дай Бог, через неделю закончим наш разговор...

Я окончательно запуталась. Все сказанное звучало для меня не иначе, как абсурд.

— Если ты согласишься, то сможешь вернуться назад, на Землю.

Жар сомнения охватил меня. Это такая шутка? Если бы я могла чувствовать, как бьется моё сердце, то оно, наверняка, резко заколотилось в груди. Нельзя же вот так запросто кидаться такими предложениями... Но на что можно пойти ради этого? На все, что угодно.

— Расскажи мне всё. Хочу знать, что произойдет, если я соглашусь.

И вновь она стоит передо мной, хотя термин «стоит» тут явно не подходит. Она свободно передвигалась в этом пространстве, паря над водой. От этого по сероватой глади иногда разбегались тёмные круги.

— Сила демона в твоём теле вновь будет частично изолирована. Другую её часть мы изменим. Ты станешь нашим посланником, — её сияющая улыбка ослепляла. — Все, что от тебя требуется — это жить, нести в себе силу и использовать её справедливо и с умом. На тебе лежит лишь один запрет — не проливать невинной крови.

Мысли разбегаются. Звучит идеально, но именно такая идеальность всегда заставляет искать подвох. Я слишком мало знаю и могу отказаться, но не хочу, даже если придется об этом пожалеть.

— Конечно, я хочу вернуться, хочу больше всего на свете и... готова служить вам сколько потребуется, — эта сделка достойна своей цены.

Руки матери потянулись к воде. Белые одежды разлетелись в стороны, когда она присела и зачерпнула пригоршню. Встав, мама с блаженным выражением лица раскрыла ладони надо мной. Капли оросили меня.

— Вот и все, — произнесла она, становясь далеким миражом. — Миры снова открыты перед тобой. Иди, и да придёт с тобой Сила... Тьфу, что это такое я несу?

Не уверена, что расслышала все правильно, но не успела я задуматься на эту тему, как тут же сполна ощутила тяжесть, тянущую меня вниз. Было страшно, гораздо страшнее, чем здесь, в этом месте. Перед глазами быстро-быстро замелькали совсем уж неразличимые видения, сменившиеся темнотой с пляшущими красно-желтыми узорами. Сколько длилось падение — да, именно так мне показалось — я не знала, но страх и отторжение не покидали меня ни на секунду. Что бы ни случилось, всё будет хорошо. Ведь я не мертва. Я не мертва...

Полусонное забытье. Может, мой сумасшедший сон длиною в месяц закончится, наконец, и всё встанет на свои места? Сотрётся, исчезнет, как карандашные штрихи под ластиком... Будет ли мне не хватать этого? Возможно...

Голова болела. Я попробовала пошевелиться и почувствовала, что лежу спиной на чем-то неудобном и шуршащем. Было светло, и я попробовала приоткрыть один глаз. Незнакомая комната, чем-то похожая на ту, что «снилась» мне весь месяц, — на комнату в поместье Барбары. Она значительно больше: с высоким потолком, многоступенчатой свисающей с него люстрой, с огромным пространством свободной площади и дверью ведущей в смежную комнату.

Я лежу на кровати в отвратительного вида ночной рубашке, напомнившей мне погребальный саван и являющейся, судя по всему, ровесницей поместью. К постели было придвинуто красное бархатное кресло с позолоченным декором. В нём, нагнувшись вперёд и пристроившись головой на подушке, под моим боком, спала Джен.

Я улыбнулась, медленно подняла руку и потеревила её за плечо, при этом снова услышав шуршащий звук.

— Да помри уж, наконец! — пробубнила она себе под нос. Моя рука дрогнула. Ну, спасибо, подруга! С минуту я думала о том, чем заслужила подобное отношение, а потом продолжила её тормошить.

Дженнифер оттолкнула мою руку, но все-таки начала подниматься. На ней были мои чёрные спортивные штаны и моя футболка с эмблемой Супермена. Собранные на макушке волосы растрепались, а взгляд её чуть раскосых глаз после пробуждения был просто убийственным.

— Ну, извини меня за то, что я не померла!

— Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда меня будят, — она приложила руку к голове так,

будто та раскалывается. — Это ж садизм!

— Садизм? Сами-то вы мне чего такого под спину напихали? — я начала приподниматься на кровати и посмотрела через правое плечо. — Сотню птичьих тушек, что ли?

Увиденное пришлось озадаченно изучать. Сказать, что я была потрясена, значит — ничего не сказать... Я протерла глаза. Для верности глянула через второе плечо. Ничего не изменилось. И заорала на весь дом.

В ночной рубашке на спине были аккуратно проделаны две дыры на уровне лопаток, и из них торчали два... огромных крыла с серым оперением. А мои волосы... О, Господи!

— А-а-а! - вопила я. — Откуда эта хрень у меня на спине?! Я что, так и буду теперь вечно ходить с ними, как какой-нибудь несчастный муж с рогами?

— Успокойся ты! — повысила на меня голос Джен, всплеснув руками, впрочем, безрезультатно.

На крик прибежали. Сначала, распахивая двустворчатую дверь высотой метра в три, решительно появилась мисс Мейер. Женщина, которая была представлена, как управляющая поместья, вела себя сейчас, выходя далеко за рамки своих полномочий. Она сиюминутно оказалась у кровати.

— Закройте рот, мисс Джозефсон! — решительный взгляд и голос Амелии заставили меня замолчать.

Я попыталась исполнить её приказание и горестно стиснула зубы. Пальцы мисс Мейер цепко ухватили меня за подбородок; она тщательно осмотрела моё лицо и зрачки, заставила открыть рот (я послушно выполнила, не издав больше ни одного истерического вопля), и показать язык. Тем временем мне удалось немного адаптироваться к ситуации. Барбара возникла рядом. Сперва она не скрывала своей обеспокоенности, но видя мое комичное расстройство, снова стала прежней благодушной леди. Я была счастлива от того, что не находила презрения ко мне в ее взгляде...

— Э-э-э, — подала голос я, пока мисс Мейер, сцапав мою руку, мерила давление каким-то хитрым прибором. — Объясните мне, пожалуйста, что за нафиг у меня на спине и вообще..?

— Вы меня об этом спрашиваете? — Амелия подняла на меня глаза, полные изумления. В её голосе была такая яркая интонация, которой я не слышала от неё прежде.

— Простите... — потупившись, заунывно пробормотала я.

— Да не ведите же себя, как неразумное дитя! — Женщина гнула свою линию. — Вы демон как-никак!

Формулировка «как-никак» мне особенно понравилась.

— Что стряслось с моим телом?

Мисс Мейер, принялась рыться в каком-то саквояже, вместе с тем излагая свою точку зрения на события.

— Я полагаю, что изменения произошли в целом с вашим организмом, после полного высвобождения демонической сущности, что внешне выразалось в появлении синего пламени, — она так увлекла меня рассказом, что я неотрывно смотрела на неё, чем женщина мастерски воспользовалась и проколола мне палец, дабы взять немного крови. — Анализируя имеющиеся у меня воспоминания, — невозмутимо продолжала она, — я теперь понимаю, что цвет ваших волос начал меняться именно тогда, вероятно, как и цвет радужной оболочки глаз...

— У меня еще и с глазами что-то? — я схватилась за лицо. — Только не говорите, что они теперь розовые, или фиолетовые...

— Нет, — заверила меня женщина, останавливая поток предположений, а я с облегчением выдохнула. — Всего лишь стали светлее на пару тонов.

У меня отвисла челюсть, да еще и так резко, что казалось, её вот-вот сведет. Джен не выдержала и хихикнула. От чего удостоилась косых взглядов от меня и мисс Мейер.

— Ладно, — я решила, подойти к делу серьезнее, — что с крыльями?

— Они появились, когда вы самостоятельно попытались уничтожить в своём теле управляющий кристалл. Завидев их, демоны отступили и выбросили всех из своего измерения обратно в особняк.

Я набрала в легкие побольше воздуха, готовясь рассказать про встречу с матерью.

— Я знаю, почему они отступили.

— Мы тоже, — раздался голос человека, которого я меньше всего ожидала увидеть под своей дверью, — слухи о демонах, ставших служить Светлым силам, существовали задолго до вашего появления на свет.

Защитник Барбары притаился снаружи комнаты у самой двери так, что я даже не увидела, что там кто-то стоит.

— Мистер Кроу, не хотите печеньку? — теперь оттуда же послышался приближающийся голос Донны Уандер. — Они шоколадные, а шоколад, как известно, способствует выработке гормона

радости.

Тот ничего не ответил, а Донна, смеясь, прошествовала с подносом в руках через открытые двери прямо к тумбочке у моей кровати. Я тут же уставилась на поднос голодными глазами. Дивный запах горячего шоколада раздражил меня, и я с упоением втягивала его ноздрями. Вид домашнего печенья и пирожных вызвал на редкость сильный приступ слюноотделения. Сейчас я была готова наброситься на сладкое, как ополоумевшая.

Мисс Мейер только покачала головой, мол, как «как нехорошо подавать пациенту сладости». В ответ на это Донна опять звонко рассмеялась, и между женщинами возникла небольшая словесная перепалка на тему моего питания.

И вдруг я вспомнила про рану. Руки судорожно уцепились за широкий ворот на завязках и оттянули его. Грудь, нормальная грудь, без шрамов и даже царапин — невероятно! Но вместе с удивлением регенерирующей способности пришло и чувство вины.

— Простите меня... — прошептала я, опустив голову, хотя Донна всё ещё не прекратила добиваться своей справедливости в отношении сладкого, чем занимала всех находящихся в комнате. — Как бы глупо и запоздало это не звучало, но — простите меня. Из-за меня вы подверглись опасности и...

На меня посмотрели. Да так посмотрели, что я нервно сглотнула, а потом все, начиная от Джен и заканчивая только что появившейся Донной, разразились хохотом. У меня лицо перекошило от такой реакции.

— Джен? — возмутилась я. — Ба... Леди Бересфорд? Что такого я сказала?

— Не стоит беспокоиться, теперь ты можешь называть меня как угодно, и когда угодно, — Барбара дотронулась до моей головы, взъерошив волосы. — Как только вышла статья Саманты Стефанис, в сокрытии фактов пропала любая надобность.

— Какая статья? — не поняла я.

Джен с усмешкой нагнулась, пошарила рукой под кроватью и протянула мне газету с говорящим названием «Между Мирами». С её цветной обложки на меня смотрело собственное изображение в полный рост. Однако я сразу же усомнилась в подлинности фотографии, так как в наличии имелась пафосная поза и «обмундирование», в котором я участвовала в Испытании. Хотя при ближайшем рассмотрении я поняла, что тело и лицо всё-таки мои (не знаю, что они там такое использует, но оно гораздо круче Фотошопа). Заглавие бросалось в глаза — «Нападение на поместье Бересфордов: разгадка тайны «Кристины Йорк», и ещё одно фото поменьше было помещено на обложке, где я душещипательно валяюсь в кровати, якобы готовясь отойти в совсем иной мир.

Не хватает рекламного слогана внизу: «СМИ: мы сделаем героя из кого угодно!», и мелким

текстом рядом: «Но можем и наоборот...»

Я посмотрела на дату выхода номера, и у меня душа (настоящая она или не очень — особого значения не имело) ушла в пятки. Похоже, что я провалялась в постели больше трех дней, а встреча и интервью с Самантой были назначены на позавчера. И с ней встречалась Джен.

Просмотра статьи «по диагонали» вполне хватило, чтобы понять, что она не производит такого ужасающего эффекта, как обложка — это добротная работа человека, знающего своё дело, но совершенно точно заинтересованного в поддержке определенной стороны. Той самой стороны, у которой на «В» фамилия, на «Д» его зовут... Комментарии от этого самого «Д» на страницах также имелись, как и комментарии Барбары.

— Только это всё равно не объясняет, почему вы не хотите меня убить... — произнесла я, откладывая газету.

— Кое-кто по-прежнему хочет, — прошептала Джен и мотнула головой в сторону распахнутой двери. В коридоре чихнул Кроу.

— Умение прощать, Кристина, — это способность, доступная не каждому. Неумение простить того, кто этого достоин, — глупость, на которую способен любой, — плавно произнесла Барбара, расставляя акценты на нужных словах. — Твоя вина состоит лишь в том, что ты не человек, остальная её часть лежит не на тебе, — леди замолчала, а потом улыбнулась. — И давай не будем больше об этом! Сегодня день, когда ты пришла в себя, пусть он таким и запомнится. Да, и горячий шоколад, наверное, уже остыл.

После небольшого завтрака в тот день меня вытащили из постели и заставили разрабатывать крылья. Зарядка для демоно-ангелов-чайников? Какая прелесть!

Через полтора часа такой «тренировки» мне удалось втянуть крылья в... куда-то. Горб на спине у меня при этом не появлялся, только саднило кожу. Впрочем, процесс втягивания мне хватило ума не наблюдать в зеркало. Вряд ли он бы мне понравился...

«Ну вот, а ты боялась...» — не смогла удержаться от дружеского подкола Джен. Я умоляла её не произносить окончание этой фразы, чтобы не демонстрировать нашу безнравственность. Мисс Мейер сказала, что, по её мнению, безнравственно постоянно толпиться в комнате у пациента, и выпроводила всех, включая хозяйку поместья.

В обед ко мне прокралась Джен и застала меня за изучением своего нового отражения в зеркале. Теперь у меня были красновато-рыжие волосы. Впрочем, ставшие непривычно яркими зелёные глаза вызвали гораздо большее недовольство. Покрасить волосы проще и дешевле, чем купить, а потом каждый день снимать-надевать линзы.

— Теперь ты стала похожей на Армана, таким, каким он был, когда впервые появился в этом доме... — глубокомысленно протянула Джен и уселась на пустую кровать.

— Что? — переспросила я у подруги, отворачиваясь от большого зеркала в раме, стоящего в комнате.

— То! Однажды это случайно сказала Барбара, пока ты была в отключке...

— Вот как... — лучше будет, если я сделаю вид, будто не придавала этому значения.

И тут на пороге опять появилась мисс Мейер, на этот раз, с подносом в руках. Увидев Дженнифер в моей «палате», она была недовольна. В её понимании я была еще слишком слаба, чтобы принимать гостей так много и часто.

Прошел день, а за ним еще один. Меня закармлили и залечили, в связи с чем я чувствовала себя вялой, как овощ. Зато Джен была довольно оживленной, что хоть немного давало мне возможность забыть о том, чем я теперь стала и как с этим жить дальше.

— Эй, демонический ангелочек, ты всерьез вздумала сносить Винду? — если, конечно, она сама мне об этом и не напоминала. — Я тут пару дней назад в «Сайлент Хилл»(2) дулась. Ты мне все сэйвы потрешь! — Джен пыталась выхватить у меня компьютер, пронюхав о моем намерении переустановить систему.

Мы с ней опять заседали в моей «палате», оказавшейся одной из хозяйских спален на втором этаже. Нужно выбираться из этого «лазарета», да поскорее, а то совсем потеряю форму от «овощного» образа жизни.

— Придется сносить, он жутко тормозит. Ох, и намучалась я с ним за две ночи!

— А вот нечего было в меня Виндовз запихивать! У меня, может, к нему индивидуальная непереносимость... — разочарованно вставил бедолага Мак.

— Нечего все на меня валить! Ты сам сказал, что Винда повредилась, когда ты за меня переживал, — обиделась я на свой комп. — Злой ты, пропью я тебя!

На самом деле всё было не так плохо, как казалось. Жизнь налаживалась. Барбара часто ко мне захаживала, а Джен — при любой возможности. Мисс Мейер честно пыталась с нами бороться, но, судя по всему, просто устала. Теперь на наши посиделки она смотрела сквозь пальцы.

Но одна вещь не давала мне покоя: разговор моих родных из того воспоминания. Они говорили о Ван Райане и каком-то смутном предложении от него. Ситуация усугублялась тем, что Ван Райан ни разу не появился в поместье со дня нападения Всадников. И разговоров о нём никто не заводил. Я долго крепилась и не задавала вопросов, дабы не вызывать лишних эмоций, но сейчас был подходящий момент, а рядом подходящий человек.

— Джен, скажи, пожалуйста, ты не помнишь, когда точно Ван Райан покинул поместье и обещал ли он еще вернуться?

На лице подруги расплылась широкая коварная улыбка, от которой у меня чуть не приключилась икота.

— Наконец-то, ты сама завела эту тему, — обнажая зубы в улыбке, заговорила она.

— Не поняла, — точнее, поняла и начала догадываться, куда она клонит, но предпочла отпираться до последнего.

— Ну, ты же с ним того-этого? — Джен, сидящая рядом, выразительно зашевелила бровями вверх-вниз, намекая на некий «глубокий» подтекст.

Вздыхнув так, будто бы мне уже надоели подобные вопросы, и, устало помотав головой, я ответила.

— Я с ним ни «того» и ни «этого»!

Дженнифер такой ответ не удовлетворил.

— Но ведь что-то всё-таки было?

— Говорю же, ничего не было! О, Господи, Джен, пощади меня! Если б ты только знала, какое дознание мне устроила Бри из-за той кутерьмы со статьями!

— Только не говори мне, что ты тут столько времени потратила впустую?

— Э... — у меня нервно задергался глаз.

— Ты просто так взяла и пропустила такого мужчину?

— Он - не мужчина! — взвинчено бросила я, даже сама понимая, что несу полную чушь. Обдумав сказанное и изучив мою эмоциональную реакцию, Джен фыркнула, не в состоянии побороть невольный смех.

— А кто же он?

— Я имела в виду, что не воспринимаю его, как мужчину, и, вообще, он — не человек!

— Ха-ха-ха! Чья бы корова мычала! — от смеха подруги, а я отчетливо ощутила нахлынувший на меня стыд. Действительно, кто бы говорил о человечности...

А Джен тем временем продолжала, точно фотограф или художник, расхваливающий недавно встретившуюся и заинтриговавшую её модель:

— Нет, ты только подумай, какой прекрасный экземпляр: рост, пропорции, осанка, плечи, волосы — никогда не думала, что у мужчины могут быть такие красивые длинные волосы! А лицо — не слащав, но и не слишком брутален, м-м-м...

«...или как гурман, отведавший новое диковинное блюдо», — добавил голос разума. Только послевкусие у этого блюда не очень.

— Джен? — с широко раскрытыми от ужаса глаза я взирала на неё.

— Да? — она невинно взглянула на меня.

— Ты это к чему?

— Да ладно, все мы пускали слюни по Бальтазару(3) и Гэри Олдмэну в роли Дракулы!

— Угу, только встречались мы не с ними, а с простыми парнями, — улыбнулась я. Правда, у меня был ещё Маршал...

— Но это не мешает простым парням хотеть Анжелину Джоли, — авторитетно заключила Дженнифер.

— Принцип: «Если не можешь иметь того, кого хочешь — научись хотеть того, кого имеешь!» в действии... — согласно закивала головой я с очень серьезным выражением лица.

Джен снова засмеялась. Я, трясаясь от хохота, уткнулась головой подруге в плечо. И это далеко не самый откровенный из всех наших разговоров за долгие годы дружбы. А разговор о произошедших недавно не самых приятных событиях мы единогласно решили оставить на потом.

— Надеюсь, я не помешал, — раздался третий голос, и он не спрашивал, а ставил нас перед фактом. Мы с Дженнифер резко повернули головы в направлении входной двери.

— Ван Райан? — я была слегка ошарашена, и ещё больше меня волновало, какую часть разговора он успел застать. — И давно ты здесь?

— С фразы про Анжелину Джоли, — формально-вежливая улыбка, в сочетании с непроницаемым выражением лица, и сдержанная поза — всё как всегда. Но мне почему-то показалось, что слышал он намного больше.

— Здравствуй мистер Др... Ван Райан, короче, — поприветствовала его Джен. — Ну и имечко у тебя — язык сломаешь! Надо будет придумать сокращенную форму...

Он лишь чуть вскинул бровь в ответ на её фамильярность, продолжая стоять в дверях. Я думаю, Джен просто искренне пыталась разрядить повисшее напряжение.

— Так, значит, тебя вполне можно называть просто Ди(4) , — подмигнула мне подруга. — Благо, твое происхождение к этому прозвищу очень подходит. А как же быть с фамилией? Ди Ван... О, ДиВан! Всё с этого дня у тебя появился официальный ник, между прочим...

— Мисс Микел, хватит! — отрезал тот. Перечить ему никто не решился по понятным причинам. Будучи прекрасно об этом осведомленным, он перешел сразу к делу. — Очень хорошо, что вы обе тут. Мне необходимо вам передать некоторые документы, и прошу вас внимательно ознакомиться с их содержанием.

Я молча вытянула руку в ожидании. Драйден подошел сначала к Джен и передал ей два конверта. Та, вопросительно глядя на визитера, приняла их. Настала моя очередь. Я неуверенно ухватила за край предназначенной мне корреспонденции и случайно заметила... С одной стороны конверт сжимали мои пальцы, с другой — его.

— Ван Райан, у тебя что-то с руками? — я так подумала из-за того, что его руки скрывали плотные чёрные перчатки. Материал похож на кожу дракона, разве что обработка другая и чешуя срезана. Шеф одернул руку и отступил на шаг назад. Ничего объяснять он не собирался. Моему недоумению не было предела.

— У вас двадцать четыре часа на то, чтобы дать ответ, — произнес директор Бюро и безразлично повернулся к выходу.

— А разве это вежливо — не отвечать на прямой вопрос? — спросила я, чувствуя какой-то подвох.

— На него может ответить мисс Микел, — с этими словами он вышел прочь, даже не удостоив меня взглядом. Я застыла, по-настоящему ничего не понимая.

— Джен, что тут происходит?

— Ой, блин, это сложно объяснить, но я попробую, — пожала плечами она. — Видимо, это как-то связано с твоей новой сущностью... Он... Он не может к тебе прикоснуться...

— Что-о-о?!

— Нет, не так — он может, но испытывает при этом сильную боль. Его как будто обжигает твоя кожа, и не только кожа, а любое прикосновение...

— Как это выяснилось?

— Когда демоны выкинули нас из своего измерения в особняк, ты была без сознания и ранена. Амелия Мейер сказала, что тебя надо отнести наверх — так и выяснилось...

— А кто же меня нёс? — почему-то первым дело пришло мне на ум.

— Мистер Защитник леди Бересфорд... — созналась Джен.

— Вот отстой! — выругалась я и закрыла лицо руками, прямо вместе с конвертом потому, что вспомнила, что в тот момент на мне была порвана одежда. Хотя меня в таком виде успел увидеть каждый участник злоключений.

— Нашла о чём переживать после всего! — тут же вразумила меня подруга.

— Да, ты права, — убрав ладони от лица, я заставила себя собрать остатки самообладания. — Ещё у кого-то наблюдалась такая реакция?

— Нет. Наверное, дело в том, что он дампир, — Дженнифер использовала формулировку, которую активно применяют в нашем мире писатели и сценаристы. От тех, кто был на самом деле вовлечен во всякие фантастические безобразия, её слышать не приходилось (если не считать саму Джен).

— Ясно. Почему ты не сказала сразу — скрытность остальных меня не волнует — но ты-то?

— Я хотела, как лучше... А для тебя это важно? — Джен снова стала той Джен, которой она была до появления Ван Райана. Я уставилась в одну точку.

— Нет, только обидно, что ты ничего мне не рассказала... — и замолчала.

— Ты тоже о-о-очень многого мне не говорила. Поэтому не надо тут...

— Все-все-все. Я тебя поняла, — примирительно произнесла я. — Так, а теперь, нужно вскрыть конверты, а то нам дали всего двадцать четыре часа!

— Уж лучше бы дали семь дней, — Джен старалась имитировать страшный голос. Я не смогла

удержаться от смешка.

Через минуту я принялась рассматривать конверты; оба были из бумаги высочайшего качества. На одном был герб Федерального Бюро Расследований, а на втором — герб совершенно мне не знакомый. Башня, с открытыми воротами на тёмном фоне, из ворот льется свет и освещает дорогу, ведущую к башне. Над башней изображены две руки с перекрещенными мечами. Конверт с такой символикой сейчас как раз вскрывала Джен. Из него выпало несколько буклетов и письмо. Я успела заметить на бумагах только одно слово — «Комитет». У меня моментально появилось чувство неприязни к этим буклетам, к этому письму и даже к конверту и гербу на нём. Джен тем временем расправила в руках аккуратно сложенный лист бумаги и, сдвинув брови, принялась вчитываться в его содержание. Я пододвинулась к ней ближе и стала заглядывать подруге через плечо.

— Похоже, что это приглашение на работу... — прокомментировала Джен.

Я схватила свои два конверта и довольно яростно их вскрыла — первым делом и больше всего досталось комитетскому. Там было то же самое — буклеты и письмо от имени Юргена Вульфа, извещающее о его желании видеть меня в своих рядах.

Перед глазами тут же встало самодовольное лицо председателя Комитета с его масляным взглядом и широкой голливудской улыбкой. Вспомнилось, с какой фальшивой слащавостью он говорил со мной... Письмо захотелось смять.

Дрожащими руками я опустошила второй конверт. Письмо... Внизу подпись Ван Райана — мой взгляд прыгал от начального абзаца к концу и обратно, — и слова «надеюсь, на дальнейшее плодотворное сотрудничество»...

Я взглянула на подругу, она тем временем тоже изучала пакет от ФБР.

— У тебя там тоже приглашение на работу?

Она чуть запоздало кивнула в ответ, а потом отложила корреспонденцию, встала с кровати и подошла к окну.

— Что скажешь на это? — обратилась она ко мне. А вот и он, тот самый разговор, который мы намеренно не хотели начинать.

Я обдумала вопрос, смотря на письмо в руках.

— Я хочу вернуться в Нью-Йорк, — и опустила голову, — но как мне теперь быть? После того, кем я стала? Придется все начинать заново: устраиваться на кучу работ и подработок, искать квартиру и новое агентство талантов, а лучше вообще сразу уехать в Лос-Анджелес. Или... — я сделала паузу, — рискнуть и пойти на кастинг «Американ айдол»(5).

Джен засмеялась, но в её голосе была грусть. Ложных иллюзий относительно того, что Маршал будет ждать, когда я изволю вернуться, я не питала. Таких «внезапно исчезнувших» беззастенчиво вычеркивают из списка нужных людей без возврата и других деятелей шоу-бизнеса предупреждают об их неблагонадежности.

— Зачем же квартиру искать? У тебя дом есть!

Воспоминание: дед заносит руку для пощечины... Слезы бабушки... И сколько ещё всего, чего я не помню. Они ненавидели меня.

— Нет, я ни за что не буду там жить! Наверное, стоит выставить его на продажу...

— А я всерьёз подумываю согласиться на работу в Бюро, — перебила меня она.

Поверить в услышанное я просто не могла.

— Джен, — жалобно начала я, — тебе что, не хватило того, что с тобой сделали Всадники?

— Мне грозит отчисление из колледжа... — тихо произнесла она и замолчала. Я хотела спросить её почему, и нет ли возможности избежать этого, но не стала. Мне кажется, я уже знаю, что Дженнифер скажет. Недавние события просто стали толчком.

— Сама виновата — не нужно было связываться с тобой в детстве, — вдруг разразилась яростным монологом подруга. — Сразу было понятно, что ты странная. Может, прожила бы нормальную человеческую жизнь. Хоть ты и так знаешь, как я ненавидела бизнес-специальность и что пошла учиться под давлением родителей, считающих музыку и хореографию несерьезными занятиями. А теперь, — она чуть усмехнулась, — узнав, куда меня готовы взять на работу, — они с ума сойдут. И от радости в том числе. Пусть порадуются. Я же получу возможность заработать денег на оборудование для сочинения музыки, дальше посмотрим по обстановке. Работать «на дядю» тоже не здорово...

Я засмеялась, представляя того самого «дядю». Джен повернулась ко мне. В её глазах блестели авантюрные искорки.

— Ладно, кто пойдет до Клифтона?

— Зачем? — тут же спросила я излишне эмоционально.

— Ну, как же! Купить «топлива» на вечер... Давно мечтаю с тобой выпить! Заодно еще раз все обсудим, в более расслабляющей обстановке!

Еще через миг, я уже была полностью поглощена ее «мечтой».

— Ну, из поместья меня все равно никто не выпустит... — стала оправдываться я.

— Так уж и быть — схожу. Придется снова одалживать у тебя вещи, — сварливо отмахнулась от меня Джен.

Дженнифер усиленно вертелась перед зеркалом. Она примеряла на себя новый экзотический образ: передо мной стояло подобие Ферги(б) с множеством афрокосичек. Хотя это, безусловно, ей очень шло.

А получилось всё так: после вчерашних новостей мы с ней, решая как нам дальше быть, напились. Непонятные идеи всегда имели свойство посещать нас по пьяни — и вот к чему это приводит.

Вчера она вернулась из Клифтона гораздо позже, чем я предполагала и притащила с собой кучу покупок разного толка, в том числе и всякие штучки для волос. Мне подруга купила краску благородного каштанового цвета, чтобы я могла уничтожить свой «неблагородный» рыжий. Увы, эффект получился очень короткий. Волосы окрасились, но стоило только мне начать их подсушивать, как они прямо на глазах снова стали превращаться в рыжие. Отрезать волосы тоже не выходило: они отрастали с сумасшедшей скоростью, раз в сто быстрее, чем у Ван Райана. Ужас всех стилистов в мире отобразился на моём лице. Джен, еще не до конца закончившая свою прическу, тоже недоуменно смотрела на меня.

В этот момент появилась мисс Мейер. Она как нас увидела, так и села. Потом налила себе валерьянки. А что такого? Нормальный способ спасения от депрессии - смена имиджа. Хотя, в моем случае, лишь попытка.

Наши двадцать четыре часа уже вот-вот должны были истечь, но мы всё ещё были не уверены в правильности решения.

— Пора искать Ван Райана, — вздохнула я. Сегодня, наконец-то, на мне была надета повседневная одежда, а не богомерзкий «саван» или надоевший пижамный комплект (на который я сменила тот самый «саван», как только более-менее очухалась). Джен последний раз бросила взгляд на своё отражение, и мы вместе побрели по поместью.

Собственно, в его комнате мы никого не нашли. Равно, как и не могли найти остальных обитателей поместья. Во мне начала подниматься паника. Мы уже не ходили — мы обегали все открытые помещения в доме. Когда и в оранжерее никого не обнаружилось, от ужаса у меня подкосились ноги. Вдруг стоявшая рядом Джен повела головой в сторону. Её глаза сощурились. Она склонилась ко мне и прошептала на ухо.

— Снаружи кто-то ходит...

Времени на обход через холл не было. Тем более, если это снова демоны...

Я встрепенулась и с воинственным криком понеслась в указанную Джен сторону, пробираясь сквозь растения и разнося на бегу стекло. Я больше не буду такой слабой! Я ни за что не позволю причинить вред людям и нелюдям, которые столько сделали для меня и Микел!

— Никому не двигаться! ФБР! — закричала я, стоя среди разлетающихся осколков с появившимися крыльями и горящими сгустками синего пламени на ладонях, и тишина...

Сначала я никак не могла понять, что же такое произошло, а потом кто-то засмеялся. Я повернула голову, и увидела в нескольких метрах от оранжереи накрытый столик с натянутым над ним транспарантом «Удачи, Кристина и Дженнифер!». Под ним и стояли всё «пропавшие» обитатели поместья. Донна и мистер Филдс в обнимку умирали от хохота. Чак, Нил и Бри были по-настоящему напуганы моим резким появлением в лучших традициях боевика. Они напряженно сжимали в руках хлопушки.

— Я так понимаю, это ваш ответ? — склонив голову набок, любопытствовала Барбара. Она пряталась от яркого летнего солнца под кружевным зонтом.

Джен вышла вперед, посмеиваясь над моим паникерством и тем, к чему оно привело. Ей не следовало этого делать, мне и так было стыдно сверх всякой меры.

— Пойдём! — подруга за руку потащила меня к праздничному столу.

— А стена оранжереи? — я затравленно озиралась то на образованный моим телом проём, то на хрустящие под ногами осколки.

Но стоило только об этом подумать, как стеклышки чуть приподнялись над зелёной травой. Пару секунд они задержались в воздухе, а потом медленно, как волшебная поэмка, понеслись, огибая нас с подругой, к границе оранжереи. Облако осколков стало быстро расти вверх и твердеть, устраняя последствиями «эффектного появления». Это была не я.

— Не нужно было утруждать себя, леди, — за её плечом Кроу снова изображал тень, на этот раз — не слишком молчаливую. — Провинившаяся справилась бы и сама...

— Моя внучка, Гордон, — тихо поправила его Барбара.

Вскоре на меня и Джен осыпался дождь из разноцветных конфетти и серпантина. Стоило нам только подойти ближе к столу, как дети выстрелили из хлопушек.

— Итак, ваш окончательный выбор — Бюро? — снова спросила Барбара.

— Да, наверное, — от смущения за оранжерею замялась я. Ещё непременно нужно было «втянуть» обратно крылья — уж слишком они большие. Хорошо, что я была в майке, а то испортила бы вещь.

Барбара смотрела на меня. Глаза на её лице, скрытом в тени кружев зонта, внимательно следили за мной.

— Что ж, свой ответ вы должны дать не мне... — неподалеку послышался приглушенный звук мотора. — А вот, собственно, и он...

Шум приближался. В небе над оранжереей что-то пронеслось, стало заходить на посадку. Транспарант завибрировал от резкого воздушного потока. Неопознанный летающий объект устремился к опушке леса, окружавшего поместье, опустился на землю и, сделав крутой разворот, остановился в красивом пафосном положении. Я не могла поверить своим глазам — «объект» оказался Ламборгини Галардой стандартного желто-черного окраса.

— Я решила преподнести тебе подарок, Кристина, — снова заговорила леди. — Если бы ты захотела вернуться в Нью-Йорк, он бы стал прощальным подарком, а если нет — подарком, знаменующим новый этап в жизни.

— О, Господи... — я зажала рот рукой, не в силах оторвать взгляд от великолепной машины-мечты. — Не нужно было!

— Боюсь, это не тебе решать, — в мягкой покровительственной форме произнесла Барбара. — Иди же! Или ты не хочешь принимать подарок?

Я кивнула и побежала к машине, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Однако при приближении к цели мне пришлось тормозить; дверца автомобиля отъехала вверх, и из неё показался Ван Райан.

Рукой он поддерживал закинутый на плечо пиджак. Глаза полукровки скрывали причудливые черные очки с прямоугольными стеклами. По бокам оправа была снабжена дополнительной защитой от солнца в виде сужающегося к вискам треугольника.

На Ван Райане опять были перчатки. Из-за этого меня посетило чувство неловкости, и я не знала, что именно ему сказать. «Прошу вас, возьмите меня в Бюро!» или «Я хочу у вас работать, но не будете ли вы так добры рассказать мне всю правду о вашей связи с моими родственниками?» Так что ли?

Ван Райан вопросительно поднял бровь, ожидая, когда же я прекращу молча таращиться то на него, то на машину.

— А ты идешь как приложение к подарку? — сморозила я первое, что пришло на ум.

Гладкое белое лицо скривилось, вынося моей шутке неутешительный вердикт.

— Нет, в дружескую просьбу леди входила только доставка, — все тот же холодный тон с оттенком усталости.

— В таком случае — ключи, пожалуйста.

Перед моим носом, как по заказу, бряцнула связка. Я медленно за ней потянулась, и вдруг он спрятал ключи в зажатом кулаке.

— Эй! — вырвалось у меня.

Он лишь слабо усмехнулся и протянул ключи. Я состроила недовольную мину и фальшивым пренебрежительным жестом приняла их, но это было еще не все.

— Я хотел бы услышать ваш ответ.

Я издала тяжелый демонстративный вздох.

— Ты и так можешь прочесть его в мыслях присутствующих...

— Предпочитаю услышать из уст будущего агента.

— Ну, раз так — мы будем на тебя работать, — про остальное я твердо намеривалась разузнать потом. — Доволен?

— Вполне... — как всегда, верится с трудом. — С вами свяжутся в течение пары недель.

И с этими словами Ван Райан спокойно направился к компании у небольшого праздничного стола.

— Крис, ау! — ко мне подкралась подруга и едва не напугала меня до чёртиков.

— Нельзя же так! — на Джен обрушились мои возгласы негодования. — Я же тебя совсем не заметила! Меня чуть Кондрат не схватил за одно место!

— Что, попала под действие директорских флюид? — с хитроватым выражением лица парировала Джен.

— Ага, конечно, — я кивнула, — десять раз!

Джен все так же испытующе на меня смотрела. Мне не верили. Пойду лучше повожусь с машиной.

Обойдя Галларду со всех сторон и тщательно её осмотрев, я с удовлетворением отметила, что все донимавшие меня тревоги и мысли медленно уходят в никуда под натиском умопомрачительных изгибов моей красавицы. Да, именно моей! Никогда не думала, что несколько букв могут так преобразить мысли и чувства...

Джен заглянула внутрь салона, и, не услышав моих предупредительных вскриков, уселась в водительское кресло. Я же стояла и неспешно поглаживала капот рукой.

— Барбара? — громко позвала я так, чтобы меня услышали и за столом.

— Да, Кристина, — ее голос прозвучал слегка недоуменно. Леди совершенно точно не нравилось вести со мной диалог на таком расстоянии.

— А можно я с ней поэкспериментирую?

— Конечно, она твоя!

Из машины высунулась голова Джен.

— Сама? - ужаснулась подруга. — А как же Вест Кост Кастомс(7)?

Ответа она не дождалась, потому что я всецело сконцентрировалась на своей руке и поверхности капота под ней. Из-под руки, словно расходящаяся кругом радуга, поползли краски и цвета. Они струились и растекались по капоту, переползали на бока, двигались дальше. Машина менялась по моему желанию и вскоре приобрела окрас закатного неба. На капоте появился красочный христианский символ - горящее сердце, а в области дверей с обеих сторон два нарисованных ангельских крыла.

Дети восторженно-грустно смотрели в нашу с Джен сторону. Похоже, на это раз им просто запретили приближаться к автомобилю, иначе я не знаю, как объяснить их поведение и кислые физиономии.

Я довольно постучала по капоту.

— Выходи, Джен! Пойдем! Не вежливо торчать тут, когда ради нас накрыт стол.

— Сейчас, ещё одно минуточку... — это явная ложь — одной минуточкой она ни за что не ограничится. — Представляешь, в этой машине нет стереосистемы! А сюда так и просится саунд из «Нид фор Спид»(8)!

Пришлось подойти к открытой дверце и заглянуть внутрь с умоляющим взглядом, который Джен знала лучше всех и уже очень много лет терпеть не могла.

— Ну, пойдё-ё-ё-ом! — хлопая глазами, я смотрела на неё, сидевшую за рулем и с самым деловым видом изучающую приборную панель. В руках подруга держала незнакомый фолиант. Идти она не хотела, но пришлось. Поскольку моя настойчивость в такой по-детски раздражительной форме, была ей не по нраву. Дженнифер шла позади меня, листая тот самый том с черной глянцевой обложкой и повторяя что-то из прочитанного вслух. Мне запомнилось одно непонятное слово - что-то вроде «жхунб».

Я остановилась и посмотрела на неё через плечо.

— Знаешь, Джей, — она подняла голову от своего чтива, я усмехнулась, — может, не все потеряно, и нам еще только предстоит стать любимицами судьбы?

— Возможно, Кей(9)! — её глаза смеялись, но говорила она вполне уверенно. — А теперь давай поднажмем, пока там без нас все не выпили и не съели!

1) Район Квинса, Нью-Йорк. В таком многонациональном и неоднородном районе, как Квинс, считается самым благополучным тауншипом (ед. административного деления США).

2) Серия компьютерных игр в жанре survival horror, разрабатываемая и издаваемая Konami. Главной особенностью данной игровой серии как представителя жанра survival horror, является сложный сюжет, содержащий в себе большое количество неразрывно переплетенных деталей, а также глубокий психологизм.

3) Персонаж сериала «Зачарованные»

4) Имеется в виду герой аниме «The vampire hunter D» полукровка, дамфир (полувамфир, получеловек), которого так и звали Ди.

5) Популярное шоу-соревнование на звание лучшего начинающего исполнителя в США.

6) Ферги - вокалистка американской хип-хоп и ритм-н-блюз группы «Black eyed peas»

7) Знаменитая по выпускам программы «Тачку на прокачку» автомастерская, занимающаяся тюнингом экстра класса. Находится в США.

8) Серия компьютерных игр - автосимуляторов. Также известна за счет своих саундтреков.

9) Кристина и Дженнифер используют псевдонимы агентов из «Людей в черном». Псевдонимы Джей и Кей подходят к их именам.

<http://tl.rulate.ru/book/20602/434157>